

## КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ОБВИНЕНИЯ В АСПЕКТЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО ЯЗЫКОВОГО УРОВНЯ /

## COMMUNICATION STRATEGY OF ACCUSATION IN TERMS OF THE SYNTACTIC LANGUAGE LEVEL

**Irina ZYUBINA**

Associate Professor, Ph.D.

(Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)

[iazzybina@sfsu.ru](mailto:iazzybina@sfsu.ru), <https://orcid.org/0000-0002-1265-8366>

### **Abstract**

*The article touches upon the practical basis of the communicative strategy of prosecution. The analysis is made from the point of view of syntactic linguistic level.*

**Keywords:** *strategy of communication, prosecution, syntactic linguistic level*

### **Rezumat**

*În articol, se supune analizei, din perspectivă practică, strategia comunicativă a încriminării. Cercetarea se face din punct de vedere sintactic.*

**Cuvinte-cheie:** *strategie de comunicare, încriminare, nivel sintactic*

Предметом нашего изучения является практически неисследованная тема – коммуникативная стратегия обвинения. И тут же следует отметить, что в практике судебного обвинительного выступления, в речи государственного обвинителя, такого рода воздействие встречается повсеместно, причем, в разные временные периоды.

Речевое поведение государственных обвинителей довольно подробно изучалось через призму скрытых речевых стратегий (Зюбина, 2005). Теперь же обратимся к открытому воздействию, к коммуникативной стратегии обвинения. Для анализа возьмем стенограмму знаменитого обвинительного выступления Прокурора Союза ССР товарища Вышинского на Бухаринско-троцкистском процессе 11 марта 1938 года.

Но сначала следует развести понятия «речевая стратегия» и «коммуникативная стратегия». Под речевой стратегией будем понимать актуализацию отправителем текста привычных и неосознаваемых в данной речевой ситуации речевых поступков по достижению своих интуитивных целей речевого общения с получателем (или получателями) текста путем выбора оптимальных лингвистических единиц. При этом немотивированно и нецеленаправленно выбираются лингвистические единицы грамматического словоизменительного языкового уровня (Матвеева, 20013, с. 125).

Под коммуникативной же стратегией будем понимать реализацию

отправителем текста удачных речевых действий по достижению своих намеренных целей речевого общения с получателем (или получателями) текста путем выбора оптимальных лингвистических единиц. При этом мотивированно и целенаправленно выбираются лингвистические единицы лексического и синтаксического языковых уровней (Матвеева, 2013, с. 124).

В нашей работе мы обратимся к единицам синтаксического языкового уровня. В тысяче малых синтаксических групп (МСГ) было обнаружено 123 примера таких единиц. Вот как распределились они по частоте встречаемости:

- 1) анафора – 27,6 %;
- 2) повтор – 15,4 %;
- 3) вопросно-ответное единство – 9,8 %;
- 4) синтаксический параллелизм – 7,3 %;
- 5) многосоюзие – 7,3 %;
- 6) бессоюзие – 6,5 %;
- 7) градация – 5,7 %;
- 8) анадишлосис – 5,7 %;
- 9) риторический вопрос – 4,9 %;
- 10) риторическое восклицание – 3,3 %;
- 11) антитеза – 3,3 %;
- 12) эллипсис – 2,4 %;
- 13) инверсия – 0,8 %.

А теперь приведем конкретные примеры из речи Андрея Януарьевича Вышинского, известного организатора и активного пособника сталинских репрессий. Следует отметить, что этот прокурор обладал ярким талантом публичного оратора и был мастером манипуляции.

Чаще всего А.Я. Вышинский использует *анафору*, то есть «единоначатие» — повторение элементов (от звуков до предложений) в начале каждой новой фразы:

«*Двадцать лет* стоит, как несокрушимый утес. [...] *Двадцать лет* в великой стране победившего социализма идет героическая работа по организации нового общественного и государственного строя, [...] *Двадцать лет* упорно и настойчиво идет дружная работа многочисленных народов, [...] За эти *двадцать лет* когда-то бедная и слабая страна превратилась в страну богатую и могучую, в страну мощную и непобедимую. За эти *двадцать лет* Российское государство превратилось в государство социалистическое. [...] За эти *двадцать лет* под руководством партии Ленина-Сталина в нашей стране окончательно уничтожена эксплуатация человека человеком, [...] За эти *двадцать лет* в корне изменился весь облик нашей страны, превратившейся в богатейшую и могущественнейшую пролетарскую державу» (216-225 – здесь и далее это номер МСГ).

«*Разве не* об этом же говорит известное дело "Промпартии", [...] *Разве не* о дьявольской работе иностранных разведок в нашей стране говорит и дело

английских инженеров Торнтона, Макдональда и других, [...] *Разве не о том же, наконец, говорят последние судебные процессы 1936-1937 годов, [...]*» (254-266).

«*Бухарин позорно лгал в октябре 1918 года, отрешиваясь от "левых коммунистов". Бухарин позорно лгал и в 1924 году, когда он под давлением обстоятельств приподнял краешек завесы, скрывавшей от нас настоящую правду в этом тяжком, кошмарном преступлении. Бухарин лгал, например, в 1924 году, отрицая наличие блока между ним и "левыми" эсерами в 1918 году. Бухарин говорит неправду и здесь, на суде, пытаясь отрицать факты, удостоверенные здесь рядом свидетелей*» (504-509).

Как ни странно, но во всей речи мы не встретили ни одного примера *эпифоры*, то есть «единоокончания» – повторения последних слов фразы.

На втором месте по частотности *повтор*. Это общее название ряда приёмов, при которых повторение элемента служит средством усиления выразительности. Например:

«На следствии *Бухарину* были предъявлены факты, ему было дано пять очных ставок. Тогда подсудимый *Бухарин* вспомнил кое-что, более серьезное, чем "общелитературные рассуждения". *Бухарин* вспомнил *такой*, например, *факт*, как блок с "левыми" эсерами в 1918 году, в целях борьбы против Советского правительства, *такой факт* как прямой заговор против Советской власти, как подготовку *ареста* Ленина, *ареста* Сталина, *ареста* Свердлова» (566-569).

«Эти факты, товарищи судьи, разумеется, сейчас принадлежат уже в значительной мере истории, но они проливают полный свет на вопрос, *интересующий нас, интересующий многих и особенно тех, кто не искушен еще в знании прошлого Бухарина и антисоветских группировок, как могло случиться, что Бухарин и Рыков, которые в течение стольких лет выдавали себя за сторонников социализма, за сторонников социалистической борьбы, оказались в стане самых отъявленных врагов Советской власти, в стане изменников и предателей революции, советского народа, родины!*» (512-517).

«... всюду, где идет классовая борьба трудящихся, где идет борьба честных людей *за подлинную свободу, за подлинную демократию, за подлинную человеческую культуру*» (115-116).

«...которые он совершил в действительности *против Советской страны, против Советской власти и против советского народа*» (738).

Третью позицию в гневном выступлении А.Я. Вышинского занимает *вопросно-ответное единство*. Автор задаёт вопрос и сам же на него отвечает:

«В чем заключается историческое значение данного процесса? В чем заключаются некоторые его особенности? Историческое значение этого процесса

заключается раньше всего в том, что на этом процессе с исключительной тщательностью и точностью показано, доказано, установлено, что правые, троцкисты, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты и так далее и тому подобное являются не чем иным, как беспринципной, безыдейной бандой убийц, шпионов, диверсантов и вредителей» (21-27).

«Чем объясняется эта родственность позиций троцкистов и правых, их постоянное тяготение друг к другу, постоянное искание блоков, наконец, наличие этих блоков на различных этапах их борьбы против партии. Советского государства и социалистического строительства? Это, разумеется, объясняется прежде всего общностью социальной базы троцкистов и правых» (343-345).

«А как вел себя тогда Бухарин? С лицемерным видом святоши, прикрываясь маской искренности, еще в самом начале борьбы Бухарин стал осуществлять...» (455-456).

Зачастую вопросно-ответное единство сопровождается и другими синтаксическими единицами. Например:

«Разве не о том же, наконец, говорят последние судебные процессы 1936-1937 годов... Да, да, об этом с полной убедительностью говорят, кричат кошмарные преступления этих бандитских шаяк, уничтоженных по приговорам нашего советского суда» (266-270).

Здесь мы видим ещё и повтор, и градацию.

Помимо вопросно-ответного единства Вышинский использует анадиплосис, бессоюзие и градацию:

«А потом? Потом 1928, 1929, 1932 годы - блоки, центры, заговоры, измена» (491-492).

Или добавляет анафору, повтор и многосоюзие:

«Доказано это или нет? Доказано полностью. Доказано показаниями самого Бухарина и показаниями Яковлевой и Карелина, Камкова, Манцева и Осинского» (704-706).

Или же анафору и анадиплосис:

«Кому это было нужно? Это было нужно польской разведке, это было нужно польскому генеральному штабу, который рассчитывал, имея в своих руках эту, хотя и маленькую, но все же опасную "пятую колонну" на территории СССР, обеспечить себе успех в необходимых случаях» (814-818).

Следующая единица коммуникативной стратегии в обвинительной речи А.Я. Вышинского – *синтаксический параллелизм*. Это одинаковое синтаксическое построение соседних предложений или отрезков речи:

«Одни - капитулянты под маской истеричных провокационных, революционных фраз, другие - капитулянты без маски» (326-327).

«Он подтвердил, что как глава местной белорусской буржуазно-националистической подпольной организации он ставил своей задачей обслуживание интересов польской разведки и польского генерального штаба. Он говорил о том, что ему было предложено от имени некоего консула установить тесную связь с рядом людей, входящих в руководство национал-фашистской организации Белоруссии, в том числе с Бенеком. Он говорил, что ему было предложено передавать различного рода сведения...» (802-807).

«Социализм вошел в быт нашего народа, социализм победил в нашей стране» (227-228).

«...он не говорил, что речь шла о заговоре, он не говорил, что речь шла о прямом сговоре его группы с Троцким, он не говорил не только об убийстве Ленина, но и Сталина и Свердлова» (678-680).

«Это вскрыто теперь. Это теперь разоблачено, это открыто, это установлено, об этом возведено всему миру...» (681-685).

В последних трех примерах мы наблюдаем и анафору.

Прокурор также использует различные способы нарушения замкнутости предложений. Например, *многосоюзи*е (полисиндетон). Это повтор союза, служащий для интонационного и логического подчёркивания. Повторяются обычно сочинительные соединительные союзы:

«Если бы этого факта - плана убийства Ленина, Сталина и Свердлова - не было, то зачем бы понадобилось говорить об этом *и* Карелину, *и* Яковлевой, *и* Осинскому, *и* Манцеву...» (625-626).

«Это была, говорил Гринько здесь, общая позиция *и* троцкистов, *и* правых, *и* буржуазно-националистических организаций, *и*, в частности, украинской национал-фашистской организации» (888-889).

«Они старались изо всех сил поджечь наш родной дом с четырех концов, торопились открыть ворота врагу, *чтобы* дорваться до власти, хотя бы ценой иудиной измены, *чтобы* уничтожить плоды героического труда нашего народа, построившего новое, социалистическое общество, *чтобы* вернуть власть помещиков и капиталистов, на которых эти предатели работали, не покладая рук» (187-190).

«...такой факт *как* прямой заговор против Советской власти, *как* подготовка ареста Ленина, ареста Сталина, ареста Свердлова» (569).

С помощью *бессоюзия* (асиндетона) товарищ Вышинский придаёт высказыванию стремительность, создаёт эффект увеличения темпа:

«Молодая Республика Советов не выходит из огня классового нападения эксплуататоров и их бесчисленной агентуры - *троцкистов, меньшевиков, эсеров, бухаринцев, зиновьевцев, муссаватистов, дашнаков, грузинских, узбекских и других националистов, черносотенцев, белогвардейцев, кадетов, попов, кулаков* и так далее, и тому подобное» (236).

«А на деле это был первый год оформления "право-троцкистского блока", который приступил к выполнению таких задач, как *террор, шпионаж, диверсии, вредительство, измена родине, отторжение от СССР национальных республик*» (469-470).

«"Право-троцкистский блок" - это не только *безыдейная, беспринципная банда вредителей, диверсантов, убийц, шпионов*, - это чистейшая банда агентов иностранных разведок в подлинном смысле этого самого слова» (876-877).

«С лицемерным видом святоши, прикрываясь маской искренности, еще в самом начале борьбы Бухарин стал осуществлять *подлые, интриганские, фракционные, тайные* махинации против партии и ее руководства» (456-457).

Достижению обвинения служит и *градация*. Происходит нанизывание однотипных синтаксических единиц (например, однородных членов, словосочетаний, частей предложения, придаточных предложений). При этом их семантическая или эмоциональная значимость возрастает (восходящая градация) или же, наоборот, убывает (нисходящая градация).

Восходящая градация:

«Так называемый "право-троцкистский блок" - это организация *шпионажа, диверсий, вредительства, политических убийств и распродажи своей родины врагам*» (41).

«Ягода, как мухами, был облеплен германскими, японскими и польскими шпионами, которых он не только *прикрывал*, как это он сам здесь признал, но через которых он *вел шпионскую работу, передавая разведкам секретные государственные материалы, продавая и предавая* нашу страну этим иностранным разведкам» (144-150).

«Эти показания достаточно убедительно говорят о той *подлой, предательской, дьявольской* работе, которую вел Бухарин, этот патентованный лицемер и иезуит» (764-765).

«Вот верх *чудовищного лицемерия, вероломства, иезуитства и нечеловеческой подлости*» (781).

Нисходящая градация:

«Можно без всякого преувеличения сказать, что за истекшие 20 лет советской истории наше государство и наш народ не знали *ни одного года, ни одного месяца и дня*, когда бы не нападали на нас враги...» (233-235).

В речи А.Я. Вышинского наблюдается также *анадиплосис*, при котором происходит повторение последнего элемента в начале следующей фразы. Например:

«Их настоящее лицо, их действительный облик ясен теперь *каждому. Каждому* ясны и их позорные дела, как ясен их жалкий, позорный удел» (291-292).

«От Крестинского в цинизме своих показаний не отстают и *Гринько. Гринько*, ведь, прямо показывал, что...» (885-886).

«Прошел год. На примере настоящего процесса мы видим, как глубоко прав был товарищ Сталин в своей оценке *троцкистов и бухаринцев*. *Троцкисты и бухаринцы*, то есть "право-троцкистский блок", верхушка которого сидит сейчас на скамье подсудимых...» (32-36).

«Какая же здесь может быть идеология, какая "проблематика" или "прогностика", теория или *философия*? *Философия*, за дымовой завесой которой пытался здесь укрыться Бухарин, - это лишь маска для прикрытия шпионажа, измены» (85-88).

С точки зрения воздействия, интересен и *риторический вопрос*, который содержит утверждение или отрицание, оформленное в виде вопроса, не требующего ответа:

«Но что стоит его отрицание этого преступления в свете признания им своей вины в других тягчайших преступлениях, органически связанных с этим преступлением? Что стоит это отрицание в свете имеющихся у нас против Бухарина доказательств?» (199-200).

«Бухарин отрицает подготовку убийства, но как он отрицает?» (707-708).

«В этих условиях, в условиях ожесточенной борьбы, люди, идущие на арест Ленина, на арест Сталина и Свердлова, руководителей нашей партии и правительства, могут ли остановиться перед возможностью уничтожить своих противников, перед тем, чтобы убить наших вождей?» (740).

«О чем шла тогда речь, как не о превращении СССР в колонию германского фашизма?» (850).

А.Я. Вышинский не пренебрегает также *риторическим восклицанием*. Такое эмоционально окрашенное предложение служит для выражения чувств и привлечения внимания адресата речи, причём эмоции в нём выражаются не лексическими или синтаксическими средствами, а с помощью интонации:

«В самом деле, какой судебный процесс из всех тех, которых, в силу условий классовой борьбы и ожесточенного сопротивления Делу социализма со стороны наших врагов, прошло у нас за последнее время немало, может сравниться с нынешним процессом по чудовищности, наглости и цинизму преступлений, совершенных этими господами!» (15-16).

«В каком другом процессе удалось вскрыть и обнаружить с такой силой и глубиной подлинную природу этих преступлений, с такой силой сорвать с лица негодяев их коварные маски и показать всему нашему народу и всем честным людям всего мира звериное лицо международных разбойников, искусно и умело направляющих руку злодеев против нашего мирного социалистического труда, воздвигнувшего новое, счастливое и радостно-цветущее социалистическое общество рабочих и крестьян!» (17).

«Нечего сказать, почетные задачи!» (891).

«Тяжелое положение для разведчика!» (979).

Обвинение можно выразить с помощью *антитезы* – оборота, в котором резко противопоставляются противоположные понятия. Например:

«Философия и шпионаж, философия и вредительство, философия и диверсии, философия и убийства - как *гений* и *злодейство* - две вещи не совместные!» (92).

«Этот процесс еще раз нам напомнил, и при том напомнил с небывалой силой и остротой, что два мира стоят, как непримиримые и смертельные враги, друг перед другом - *мир капитализма* и *мир социализма*» (237-239).

«Этот *благочестиво-хищный* и *почтенно-злой* человек, эта, как говорил Максим Горький про одного из героев из галереи "Бывших людей", - "проклятая помесь *лисицы* и *свиньи*"» (477-478).

«Так и Бухарин, - *вредительство, диверсии, шпионаж, убийства* организует, а вид у него смиренный, тихий, почти святой...» (778-779).

Отметим, что здесь же мы видим и бессоюзие.

При *эллипсисе* происходит намеренный пропуск какого-либо члена предложения, который подразумевается из контекста:

«Двадцать лет стоит, как несокрушимый утес. Советское государство - социалистическое государство рабочих и крестьян» (216-217).

«И так из года в год, на всем протяжении нашей революции, за все время существования Советского государства» (342).

«Основные цели этой организации?» (809).

Что касается использования *инверсии*, состоящей в намеренном изменении порядка слов, то она не столь характерна для выступлений Вышинского:

«Об этом же говорил, по существу, и Раковский, когда он показывал, *какое часто создавалось противоречивое положение* для "добросовестных" агентов иностранных разведок, каким выглядит этот умильный старичок, сидящий здесь перед вами на скамье подсудимых» (969-972).

Таким образом, мы увидели, как в публичной речи отправителем текста А.Я. Вышинским реализуется коммуникативная стратегия обвинения путем мотивированного и целенаправленного выбора оптимальных лингвистических единиц *синтаксического* языкового уровня. В дальнейшей работе мы постараемся акцентировать свое внимание на мотивации этого выбора и рассмотрим особенности использования лингвистических единиц *лексического* языкового уровня.



## Литература

Зюбина, И.А. (2005). Прагмалингвистический аспект речевого поведения русскоговорящего и анлогоговорящего государственного обвинителя. Дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону / Zyubina, I.A. (2005). *Pragmalingvisticheskij aspekt rechevogo povedeniya russkogovoryashego i anglogovoryashego gosudarstvennogo obvinatelya*. Diss. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu.

Матвеева, Г.Г. (2013). Коммуникативные и речевые стратегии в современной прагмалингвистике. В: *Личность, речь и юридическая практика. Сборник научных трудов международной научно-методической конференции* (Выпуск 16, с. 122-128). Издательство ДЮИ / Matveeva, G.G. (2013). *Kommunikativnye i rechevye strategii v sovremennoj pragmalingvistike*. V: *Lichnost, rech i yuridicheskaya praktika. Sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii* (Vypusk 16, s. 122-128). Izdatelstvo DYuI.

\*\*\* (1997). Стенограмма бухаринско-троцкистского процесса. <http://www.hrono.ru/dokum/1938buharin/utro11-5-38.php> / (= Стенограмма... , 1997).